

ЧАК НОРРИС:

”МОЕ КИНО — ДЛЯ МАЛЬЧИШЕК”

Наталья ПОНАМОРЕВА

Приехав в Москву, звезда Голливуда Чак Норрис выступил в новой для себя роли: 17 мая в спорт-комплексе «Олимпийский» он пожелал судить решающий бой среди профессионалов по кикбоксингу между трехкратным чемпионом мира Ричардом Хиллом и трехкратным чемпионом страны Вадимом Украинцевым. Затем в Доме кино демонстрировался фильм с его участием...

Ульт мужественности, основанный на физической силе, мне не очень-то импонирует. Поэтому на встречу с Чаком Норрисом заведомо шла с чувством некоторой досады. А тут еще буквально штормом пришло брать даяри Дома кино. Московская кинематографическая и бойцовая общественность — сочетание редкое, задолго до приезда Чака Норриса ожидала его на Васильевской. Так что все служебные и центральные входы были блокированы желающими увидеть голливудскую кинозвезду. К назначенному времени Чак Норрис не явился. Публика заволновалась. Ведь накануне он вообще отказался от пресс-конференции. Наконец объявили: вывели из гостиницы... в неизвестном направлении. Организаторам встречи ничего не оставалось, как пустить фильм, к стати, в скверной копии, «Око за око».

Неожиданно просмотр превратился появлением самого Чака Норриса. Как мне показалось, он не очень-то хорошо выглядел, был плохо выбрит. К тому же на фоне московской кинематографической публики небрежно одет, весь какой-то всклокоченный. Можно было подумать, что он только что пробегал стометровку под проливным дождем!

Итак, в жизни он почти такой же, как и на экране. Если слегка и гримировался, то под самого себя. Загорелый, русоволосый. Признаться, ожидала увидеть эдакого широконоготого в плачах великана. Он же среднего роста, невыдающегося сложения. В его характере, как мне казалось по фильму, было безразличие и общественному мнению, самоуверенность. Но это зрительный образ. После беседы с ним я поняла, что это поза, и больше всего он боится потерять загадочность, стать предсказуемым. Эта мысль ему просто внушает ужас. Отсюда и противоречия в поведении.

В 1983 году Чак, давая интервью, уверял всех, что ему 35 лет. Ни журналисты, ни читатели не усомнились в этих заверениях. Однако чуть позже он опубликовал свои биографические данные, где внес изменения: год рождения 1939-й.

Или его нынешний приезд в Москву. Его отказ от пресс-конференции. Почему? Оказывается, аккредитованные корреспонденты, узнав об алафуршете, тотчас кинулись в буфет — к выпивке и бутербродам. Норрису, разумеется, это не понравилось.

Свое время он ценит дорого. Вот еще пример. Недавно за 15-минутный комментарий матча в Лас-Вегасе Норрис затребовал и получил гонорар в 100 тысяч долларов. Однако он оказался куда более великодушнее и нашей стране. Сообщил оргкомитету, что поедет в Россию за чисто символическую плату: «Встретиться со спортсменами, которые сидели в подполье».

В беседе с поклонниками его

таланта Чак был вежлив, однако то и дело поглядывал на часы. Утром он улетал в Калифорнию на свидбу сына. Но мне, корреспонденту с удостоверением «Спортивная жизнь России», Чак Норрис согласился дать интервью прямо в машине, на пути в гостиницу.

Отбрасываю вопросы, ответы на которые примерно знаю. А знаю я, что мой собеседник — 8-кратный чемпион мира по каратэ, президент Всеамериканской академии боевых искусств и знаменитый киноактер, снявшийся более чем в трех десятках боевиков. Его настоящее имя — Карлос Рэй Норрис, он родился в 1939 году в штате Оклахома. Когда мальчишкой исполнилось 10 лет, родители развелись, и мать с тремя детьми переехала в Калифорнию. Достигнув призывного возраста, Норрис поступил в военную полицию американских ВВС. Во время службы в Корее в совершенстве овладел несколькими видами восточных единоборств. После демобилизации обосновался в Лос-Анджелесе и открыл школу каратэ.

— В жизни ваших киногероев, мистер Норрис, спорт играет важную роль. Видно, желание стать спортивным ну-мфом было для вас важно и в кинематографической карьере!

— Вначале я и не помышлял о ней. Когда впервые снялся в кино, у меня не было никакого желания становиться профессиональным актером. Только через несколько лет, благодаря Брюсу Ли, я решил продолжить работу в кино. Я в первую очередь все же спортсмен. Всегда был уверен в себе, в своей победе. И эту уверенность придавала мне прежде всего хорошая физическая подготовленность. Обычно я говорил себе: «Буду вести бой как захочу». А на вопрос, заданный самому себе «почему?», ответ был один: потому что мне так нравится, потому что внутри себя чувствую, что смогу!

— Ибо, если купулся не в тебе самом, по словам Герцена, не в твоём сердце, а в чьём-то другом, те ты раб при всех злострастях своих.

— Нет, я никогда не был рабом страха. Вспоминаю мысль Хемингуэя: человек может проигрывать, но не должен терять веру в себя и в удачу.

— Итак, вы считаете себя удачливым...

— В общем-то, да. Хотя бы потому, что судьба подарила мне встречу с Брюсом Ли. С этого все и началось. Познакомились мы на чемпионате мира в 1968 году. В тот день я провёл 30 боев в течение 11 часов. Единственным желанием тогда было вернуться в постель. Но тут ко мне подошел Брюс Ли, которого я раньше видел только в кино и на показательных выступлениях, и сказал, что готовит сериал для телевидения. Мы разговорились. По пути в отель, как оказалось, мы жили в одном отеле, несколько часов подряд проговорили о

боевых искусствах. Когда я взглянул на часы, было уже около 11 вечера. Мы вошли в лифт, который поднимался на высокий этаж, и прямо здесь же начали отработывать приемы. Лифт остановился, мы вышли, но все еще продолжали обмениваться ударами. Когда я вновь посмотрел на часы, было уже 6 утра.

Такие тренировки продолжались около трех лет, пока Брюс не уехал в Гонконг. Каков-то время я о нем ничего не слышал. Потом неожиданно он позвонил и сказал, что в Гонконге снял два фильма, и они имеют немалый успех, и что хотел бы сделать третий фильм, сцена боя в котором должна была бы остаться в памяти всех. Я спросил: мог бы я стать его партнером по фильму? Я задал встречный вопрос: «А мне по сценарию надо подыграть тебе?» Он ответил: «Да». Я согласился: «Для тебя,— сказал я ему,— готов пойти и на это». Я успешно сыграл роль «плохого» каратиста и почувствовал интерес и профессионального актёра. Брюс Ли этот интерес поддерживал. Я понял, в этой работе, как и во всякой другой, нужно идти до конца.

— А какие у вас сохранились впечатления от общения с Брюсом Ли?

— Это был стойкий, невероятно динамичный человек. Ему казалось, что он живет спортом. Однако очень скоро он понял, что настоящий каратист не может позволять обретенной силе служить во зло. Через всю жизнь он пронос убежденность в том, что этот вид спорта будет способствовать смягчению нравов нашего общества.

Когда он ушел из жизни, я осознал, что в течение нескольких лет находился рядом с одним из известнейших людей мира — великим каратистом, режиссером и актером. Мне всегда казалось, что я знаю о нем все. Мы часто встречались в доме Брюса, главным образом в саду, где и проводили тренировки, много говорили об искусстве боя Востока, о философских концепциях, лежащих в основе каждой из его школ. Часто обедали в старом китайском ресторане. Мне запомнилось, как ловко он манипулировал палочками для риса — мог, например, подбросить щепотку риса и поймать ее ими, не уронив ни единого зернышка. Любую жизненную ситуацию Брюс превращал в некий элемент дзюджитсу. Я глубоко сожалел, что судьба отпустила мне слишком мало времени на общение с этим человеком. Многие я уже не узнаю о нем никогда. Я потерял друга, которого никто мне не заменит. До сих пор не могу смириться с этой утратой. Несмотря на то что Брюс Ли умер около 20 лет назад, влияние его личности на зрителей остается мощным. Он уже стал легендой.

— Вы и сейчас много тренируетесь... Каков ваш распорядок дня? Расскажите о сериалах тренировок по боевым искусствам!

— Вы и сейчас много тренируетесь... Каков ваш распорядок дня? Расскажите о сериалах тренировок по боевым искусствам!

— Мечта стать каратистом у вас была, видно, с самого детства!

— Я бы не сказал. В школьные годы, как и все мальчишки, я любил вестерны. Особенно с Джином Уэйном.

Моя программа построена следующим образом: понедельник, среда, пятница — работа с тяжелыми предметами плюс бег; вторник, четверг и суббота — занятия боевыми искусствами. Каждое утро я тренируюсь в течение трех часов: с 7 до 10. Чтобы делать те трюки, какие выполняю я, физико всегда оставляется в идеальной физической форме.

— А что вы чаще вспоминаете из данного времени, из детства?

— Что вспоминаю? Был случай, когда сумел преодолеть страх. Из-за болезни брата мы переехали на Майами. Почти все одноклассники были индейцами. Один из них — сосед Бобби был тотя и моего возраста, но намного выше ростом и сильнее меня. Однажды в школе он сломал классную доску, но учительница, не разобравшись, наказала меня. Сурово — розгами. Но я не выдал его. Он же не оценил этого, и уже на следующий день мне вновь пришлось убежать от него. Мать не стала вмешиваться. Как-то наш сосед, владелец газовой станции, остановил меня и посоветовал поговорить с моим обидчиком по-мужски. Я боялся его, но в очередной драке пошел на него и с силой вывернул ему руку. «Ну что, сдаешься?» «Да», — сквозь зубы буркнул он. Но как только я отпустил, он вновь с кулаками набросился на меня. Я еще раз вывернул ему руку. После этого он уже никогда больше не нападал на меня. Мы с ним подружился. Я понял, что мужчина должен уметь постоять за себя.

И еще. После второй мировой войны отец вернулся тяжело раненным, стал пить. Наша жизнь превратилась в кошмар. Отращивание и выпивка у меня осталось на всю жизнь. Я часто задумывался, откуда у матери такое терпение? Но она говорила, что лучше иметь плохого мужа и отца, чем не иметь вообще. Я же всю жизнь решал по-другому: лучше ничего, чем что-нибудь. Впрочем, она была женщиной.

— А как сложилась ваша личная жизнь?

— Я был женат. В семейной жизни муж и жена проходят определенные этапы. Ты изменяешься, кроме того, становишься старше. И нужно приспосабливаться к этим изменениям, чтобы супружество не развалилось. На протяжении многих лет нам это удавалось. Но четыре года назад не смогли в очередной раз найти компромиссы.

— Теперь женщины, по его словам, не имеют большого значения в его жизни. И появляются они эпизодически. Очевидно, одинокий боец с черным поясом и здесь держит дистанцию. Но у него два сына, много друзей. Среди них даже Джордж Буш.

— Мечта стать каратистом у вас была, видно, с самого детства!

— Я бы не сказал. В школьные годы, как и все мальчишки, я любил вестерны. Особенно с Джином Уэйном.

— Мечта стать каратистом у вас была, видно, с самого детства!

— Я бы не сказал. В школьные годы, как и все мальчишки, я любил вестерны. Особенно с Джином Уэйном.

Мечтал стать ковбоем. Помню, с каким восторгом рассматривал в витрине магазина игрушечную амуницию с пистолетом. Мать знала об этом, но не могла купить. Лишь сказала, что не всегда можно иметь то, что хочешь.

— А увлечение единоборствами началось раньше?

— Да, конечно. К тому же я обрел самообладание, которое необходимо всегда и во всем.

— Насколько я знаю, вы активно занимаетесь с молодежью.

— Да. Во многих странах я создаю школы. Причем в некоторых преподаю сам.

— А по какому принципу вы ведете выбор в эти школы?

— Я всегда предпочитаю набирать ребят, ничем не отличающихся среди сверстников. Вот именно такие подростки — особенно если подбодрить их, поддержать доверием — чаще всего полны решимости работать. Ребята, одаренные от природы, нередко слабокarakterны и порой ленивы.

— Итак, вы полагаетесь в основном на твердый характер, мужество...

— Ну только в определенной мере. Скажем, одного мужества не хватает для успеха в бою. кое-что значит и мастерство, опыт.

— Ваша профессия вам многое дала. Имени славу и материальную и моральную сторону. Работа ваша не анду, она престижна. Но ведь и берет она много. По объекту напряженных ситуаций мало найдется подобных!

— Но я это как раз и люблю. Мне это нравится. Я это дня в день предельно занят. У меня ни на что другое почти не остается времени. А что касается материального достатка, то и хороший спортсмен, и профессиональный актер — люди достаточно обеспеченные. Но если ты делаешь карьеру только ради денег, то никогда не достигнешь вершин.

— Имя Чака Норриса никогда не было связано с голливудскими скандалами. Как вам удалось избежать сплетен, интриг?

— Только потому, что я веду довольно уединенный, скромный образ жизни. Когда я не снимаюсь, когда не занимаюсь в зале, то еду на природу. Увлекаюсь гонками на автомобилях и скоростных катерах — лучшего отдыха не представляю.

— А есть ли у вас принципы, которые вы не нарушаете ни при каких условиях?

— Вообще-то мне не свойственны крайности. Тупая бескомпромиссность и негибкость, проявление личных амбиций — все это не для меня. Другое дело, что человек должен знать своего рода критическую зону, покидать которую безразлично. Я этот предел знаю.

— А как вы переживаете творческие неудачи?

— От них спастись нельзя. Это горько, обидно. Это как потеря близкого. Но я стараюсь быть честным и не вычеркивать из памяти фильмы, которыми не очень-то доволен.

— Люди творческие особенно остро воспринимают удары судьбы. Нередко ищут спасение в алкоголе, в наркотиках.

— Я знаю, что мальчишки видят на экране прежде всего чемпиона — Чака Норриса. А это ко многому обязывает. Как-то я даже отказался играть в фильме, в котором герой был наркоманом. Ведь ребята решили бы: раз уж Чак себе это позволяет, значит, и нам можно.

— У нас в стране особое отношение к американскому кино. Оно очень популярно. Но это американское кино. Предупреждаю, где успех во многом зависит от маркетинга. Все держится на нем, на маркетинге. Но нет глубины, сложной идеи, чем, например, выделяются фильмы Тарковского.

— Видимо, в фильмах-боевиках, в которых вы достигаете, действительно нет той атмосферы, которая привлекает вас в фильмах Тарковского. Но ведь есть другие. Я в своих фильмах проповедую философию, которую познаю во время занятий боевыми искусствами. Я понял, что преподавание каратэ необходимо увязать с развитием души и интеллекта. И потому все это складывается в судьбу моих юных зрителей. А мои фильмы рассматриваются именно на такую аудиторию.

— И так же, как и среди множества препетствий, возникающих на пути киногероев Норриса, есть одно неизменное: критические рецензии. Многие ваши ленты пресса относит к категории второго сорта.

— Что не мешает поклонникам непобедимого Чака восхищаться его подвигами?

— И все же известный английский кинокритик Филлип Стрип писал об одном из фильмов серии «Отряд Дельта»: «Действия террористов часто бывают лишены какой-либо логики. Создается ощущение, что это обстоятельство было на руку создателям картины. Они могли никак не мотивировать ходы в сюжете, никак не анализировать угон арабскими террористами американского пассажирского самолета. А завет в плен мирных пассажиров нужен был лишь затем, чтобы продемонстрировать ловкость и мужество спасающего их и преследующего террористов Чака Норриса в роли полковника Маннингера».

— Критики вправе иметь собственное мнение. Спорить с ним не стану. Скажу лишь, что я стараюсь показать на экране героя таким, чтобы мальчишки смогли всю различить разницу между настоящим боевым искусством и обыкновенной дракой. И в этом мне помогает профессиональное владение каратэ. Я стремлюсь провести на экране главную мысль: нельзя увлекаться боем ради боя. Мне, например, нравятся фильмы о простях, самых

обычных людей, которые в критических ситуациях проявляют неустранимую волю, духовные силы, помогающие сокрушить все, что мешает им оставаться людьми.

— Но ведь вы не будете, наверное, отрицать, что ваш фильм и в самом деле агрессивные. Чего стоит, например, один только паричник названий: «Око за око», «Вынужденная месть», «Одинокий воля Мануэля», «Без вести пропавший в бою», «Уничтожены».

— Я так не считаю. Мои герои принимают силу лишь в крайнем случае. Они не тех, кто жаждет сражаться, чтобы победить зло. Это отважные и справедливые люди. И я убежден, что человек должен сделать все от него зависящее, чтобы оставаться порядочным. Персонажи, которые в играю, используют боевые приемы только в качестве последнего аргумента в споре, и то лишь для того, чтобы победить, как я уже сказал, зло.

— Потерпите еще немного... Куда больше достается вам от критики, если вы снимаетесь в роли, требующей психологически нюансов. Так, например, о картине «Молчаливая ярость» критик Рут Бауэргартен пишет: «Чак сыграл лишь тогда, когда наступает время жестокого, упругого действия. То, что чемпион мира по каратэ снимается в главной роли в неэпистемном фильме, — это большая ошибка».

— Ну, хорошо, а сами-то вы что думаете о моих героях?

— Ваши фильмы отличаются каноничностью, отсутствием динамики и человечностью. У них есть сюжет. Да и драки на самом деле не так уж и вызваны логикой событий. К тому же сделаны они с профессиональным мастерством.

И вот тут-то пришел конец нашему недолгому пути. Водитель ударил по тормозам. Чая, словно ставя точку в нашей беседе, с чемпионской ловкостью выпрямил из машины и расплазнул передо мной дверцу.